
ДЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И «ТАИНСТВА ИГРЫ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

С.М. Пинаев

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются произведения И.С. Шмелёва, А.К. Герцык и М.А. Волошина, в которых авторы обращаются к вопросам детской психологии, проявляющейся в игровой практике.

Ключевые слова: детство, детская психология, творчество, игра, миф, сказка.

Крупнейшие представители русской литературы всегда относились к духовному миру ребенка с особым вниманием, трепетом и сочувствием. Детская психология оказывалась в центре внимания Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, Н.Г. Гарина-Михайловского, А.П. Чехова и др. В данном случае, исходя из размеров статьи, мы значительно ограничим «круг чтения» и остановимся на творчестве писателей, биография которых была так или иначе связана с Крымом. Это И.С. Шмелёв, А.К. Герцык и М.А. Волошин. В произведениях столь разных мастеров слова тема детства звучит не слишком часто, хотя и довольно отчетливо. И связана она с поисками «утраченного рая», свежести жизненного восприятия, высшей нравственной истины на шкале человеческих отношений. «О, как чутко, о, как звонко / Здесь шаги мои звучат! / Легкой поступью ребенка / Я вхожу в знакомый сад... / Слышишь сказки шелестят?..» — адресуется Волошин Маргарите Сабашниковой в конце 1903 г. (стихотворение, получившее в одной из публикаций название «Детство»). «...И знаю, что, быть может, шаг один, И сказка будет здесь... / Что где-то близко уж / Она свершается, и шепчет, и журчит. / Еще немного — и увижу все, / Узнаю то, / О чем грущу, чего ищю / Скитаясь по земле в тоске...» — пишет в том же году А. Герцык. В обоих случаях поэты предлагают читателю вернуться назад в сказку, и оттуда дать оценку своим нынешним скитаниям и поискам.

А годом раньше М. Волошин обратился с похожими стихами к Маше Ауэр («Мухе»): «Спустилась ночь. Погасли краски. / Сияет мысль. В душе светло. / С какою силой ожило / Все обаянье детской ласки, / Поблекший мир далеких дней, / Когда в зеленой мгле аллея / Блуждали сны, толпились сказки, / И время тихо, тихо шло...». Для Волошина неразрывно связаны: детство, сказка и сновидение. И, конечно же, преобразование «тусклого мира» в нечто «цветущее» и «благоухающее». Ведь ребенок обладает особым творческим даром: «Ребенок — непризнанный гений / Средь буднично серых людей». «Все казалось живым, все мне рассказывало сказки, — о, какие чудесные!» — вспоминает себя ребенком И. Шмелёв, которого уже в первом классе гимназии за оригинальность выражений и любовь к слову прозвали «римским оратором».

А. Герцык в июле 1904 г. пишет стихотворение «Гале». «Детские руки меня / Все эти дни обвивали, / Детскою лаской душа / Словно весной согрелась...»

Далее — сновидение, ожидание сказки и, как и в волошинском случае, противопоставление детского мира людям взрослым с их «напрасными кознями». Эти запоминающиеся строки посвящены Галине Николаевне Щегловой (в замужестве Гольц), которая утверждала, что очерк А. Герцык «Из мира детских игр» («Русская школа», 1906, №3) был вдохновлен наблюдениями за ее «детской жизнью», хотя из самого очерка следует, что автор, скорее, отталкивается от игрового поведения своей дочери.

«Живы во мне доньине картинки детства, обрывки, миги, — вспоминает И. Шмелёв. — ...Черная кочерга у печки — бабы-яги нога. Постоит — да вдруг и поведет по полу со звоном... Я говорил с игрушками — живыми, с чурбачками и стружками, которые пахли «лесом», — чем-то чудесно-страшным, в котором “волки”». «Помимо церковного, — констатирует О.М. Солнцева, — Шмелёву с детства открылся мир балаганных сказок: амбары были завалены декорациями морей, китов, чудовищ, скелетов и прочего, что рождалось в головах художников с Хитрова рынка. Открылся ему и мир простонародный — плотников, бараночников, скорняков, сапожников, банщиков». Все они, как пишет в «Автобиографии» сам Шмелёв, «на моих глазах совершали много чудесного. Висели под крышей, ходили по карнизам, спускались под землю в колодезь, вырезали из досок фигуры, ковали лошадей брыкающихся, писали красками чудеса, пели песни и рассказывали дух захватывающие сказки» [8. С. 11, 12].

И.С. Шмелёв обращается к воспоминаниям своего детства и отрочества чаще всего в зрелый период творчества: «Как мы летали» (1923), «Как я стал писателем» (1929—1930), «Как я встречался с Чеховым» (1934) и т.д. Не будучи поэтом, он все же пытался воспроизвести в своих рассказах сказочную атмосферу детства (здесь же следует упомянуть и написанную для детей драматическую сказку «Догоним солнце» (1923). Правда, «сказка» Шмелёва подчас материально осязаема, прозаична: «Я говорил с белыми звонкими досками, — горы их были на дворе, с зубастыми, как страшные “звери”, пилами, с блиставшими в треске топорами, которые грызли бревна... А что говорить о саде, где глухие углы, сырые, заросшие лопухами и крапивой, казались страной чудесной» («Как я стал писателем»). И, подобно А. Герцык и М. Волошину, он сосредоточивает внимание на игровом компоненте жизни ребенка.

Известный американский психолог Эрик Эриксон (1902—1982) подразделял человеческую жизнь на восемь стадий, каждая из которых имеет свои специфические задачи и может разрешиться благоприятно или неблагоприятно для будущего развития эго. К третьей стадии ученый относил «игровой возраст», когда у ребенка формируется «чувство инициативы, желание сделать что-то. Если это желание блокируется, возникает чувство вины. В этом возрасте решающее значение имеет групповая игра, общение со сверстниками, позволяющее ребенку примерять разные роли, развивать фантазию и т.д.» [6. С. 39]. В этой связи нельзя не вспомнить проникновенный рассказ Шмелёва «Как мы летали».

В основе сюжета действительно лежит «групповая игра», ролевое позиционирование героя, преодоление своеобразного «блокирования» со стороны взрослых и, главное, его попытка освободиться от пут удушающей повседневности. Как написал М. Волошин, «И тусклый мир, где нас держали, / И стены пасмурной

тюрьмы / Одною силой жизни мы / Перед собою раздвигали». Эти строки даже более характерны для жизнестроительной стихии персонажей Шмелёва, чем для мечтательных устремлений лирического героя Волошина. Да и у Шмелёва слышится нечто похожее по настроению: «Где-то слоны ходят под жарким солнцем, в зеленых лесах... Где-то живут храбрые вольные французы... А здесь — старый двор, развалившиеся сараи, угрозы, крики... Скучная жизнь! Ну, ничего. Она опять засверкает, вот только взойдет солнце».

Поведение героя-рассказчика, Васьки и Драпа иллюстрирует тезис Эриксона о проявлении и развитии в детском возрасте фантазии и инициативы. Они вносят творческое начало даже в процесс ловли голубей, вступают в игровые отношения со слоном и филином, проявляют незаурядную находчивость, чтобы проникнуть поближе к воздушному шару, при этом отдавая себе отчет в том, что за свой выбор свободы им придется серьезно расплачиваться. Не менее выразительно передается игровая атмосфера и в первой части рассказа «Как я встречался с Чеховым» («За карасями»): «Мы строили вигвамы и вели жизнь индейцев. Досыта навестрившись на индейцах, мы перешли на эскимосов и занялись рыболовством в Мещанском саду, в прудах».

Эссе А.К. Герцык стало программным произведением в русской литературе начала XX в., своего рода пособием по изучению детской психологии, проявляющейся в игровой практике, причем для большей убедительности своих выводов автор обращается к воспоминаниям о собственном детстве. Как написал М. Волошин, «Нити темного познания / Привели меня назад». Поэт так же был склонен совершать экскурсии в мир своего детства, вынося оттуда немало воспоминаний, связанных с творческой природой ребенка. В 1907 г. он откликнулся на мемуарную статью Герцык своим очерком «Откровения детских игр» («Золотое Руно», № 11—12), в котором вышел далеко за пределы заявленной темы.

«Наблюдения над моей девочкой заставляют меня постоянно возвращаться к моему собственному детству, вызывать в памяти мелкие, забытые черты прошлого и мучительно искать связи между ними и моей настоящей жизнью, мыслями, судьбой» [5. С. 243], — замечает А. Герцык. Не имевший детей Волошин располагал в этом плане единственным материалом, собственными воспоминаниями, с помощью которых так же «мучительно» подчас проводил «связи между ними и... судьбой». И. Шмелёв в большинстве случаев так же опирался на опыт своего, далеко не безоблачного детства, хотя в рассказе «Как мы летали» и предпочел спрятаться, как явствует из подзаголовка, за «воспоминания приятеля».

Вдова поэта, Мария Степановна Волошина, вспоминала, что в 1926 г. у них в Коктебеле гостил врач Семён Яковлевич Лифшиц, доктор физики Московского высшего технического училища, который занимался вскрытием «инфантильных травм» и устраивал своеобразные психоаналитические сеансы. Максимилиан Александрович вызвался быть объектом этих сеансов и позволил доктору не менее двадцати раз подвергать себя этим сомнительным, как считала Мария Степановна, опытам. С.Я. Лифшиц был ярким последователем Фрейда. Волошин, также знакомый с трудами последнего, был всегда открыт всему свежему, новому, интересному. В результате сеансов возникли некие «сны», в которых автобиографи-

ческое переплеталось с фантастическим, обыденное приобретало сюрреалистический оттенок.

«Сны: самый страшный: видел самого себя. Обыкновенный мальчик-двойник. Другой сон: мужчина ведет мальчика и девочку, ставит на пригорке на колени. Заставляет поднять рубашки, стреляет им в живот. Сны о революции» [2. С. 239]. В связи с прошлым или будущим?.. Известно, насколько была важна для Волошина категория «сна» — как в психофизиологическом, так и в историософском смысле. Однако вернемся к игре.

В качестве эпиграфа к своему эссе А. Герцк использует высказывание французского философа-позитивиста Ж.М. Гюйо: «Вдохновения и творчества нашей жизни подобает искать в детских играх». «И как нужно играть, — рассуждает автор, — чтобы из игры незаметно развернулась жизнь, как она разворачивается из хорошей книги...» [3. С. 243]. В упомянутых выше рассказах Шмелёва убедительно показано, как органично переплетается в детстве сказочное мировосприятие, чтение книг, игра в координатах прочитанного (например, в индейцев), как из всего этого вырастает человек, умеющий сам рассказать «сказочку»: «Сказочек я знал много, от наших плотников. Бывало, меня обступят, — и все старшие девочки, — сажают на колени и слушают, дают даже и шоколадные конфетки... В третьем, кажется классе я увлекся романами Жюль Верна и написал — длинное в стихах! — путешествие наших учителей на луну, на воздушном шаре, сделанном из необъятных штанов нашего латиниста “Бегемота”». «Поэма» юного сочинителя, как видим, основывалась на игровом материале с привлечением неудержимой фантазии, свойственной детям. Если обратиться к биографии М. Волошина, мы увидим, как в играх юного Макса намечается то, из чего вырастет эта незаурядная творческая личность, склонная к мистике, поэт, верящий «в жизнь и в сон, и в правду, и в игру».

Много интересного в этом плане мы находим в очерке Марины Цветаевой «Живое о живом», близко общавшейся с матерью М. Волошина. Валентина Вяземская, дочь инженера-путейца Ореста Полиеновича Вяземского, в квартире которого в Ваганьково Елена Оттобальдовна поселилась с сыном весной 1883 г., вспоминает, что пристрастие ребенка к необычному и сверхъестественному выглядело закономерным и вместе с тем несколько наигранным. Садясь за стол, маленький Макс мог протянуть руки и сказать: «Аминь, аминь, рассыпья, чур, мое место свято». Он избегал некоторых таинственных мест в округе, произносил заклания. Однажды, будучи поднят в воздух сыном хозяина Валерьяном, убеждал всех, что взлетел вверх благодаря духам. «Наблюдая за ним, мы чувствовали, что ему казалось интересным верить в сверхъестественное, — высказывает свою гипотезу В.О. Вяземская, — жизнь при такой вере казалась ему красочнее и увлекательнее обыденной» [3. С. 71].

Религиозное воспитание Волошина, как известно, отставало от общеинтеллектуального. «Его мать была интеллигенткой либерального склада», — заметит впоследствии вторая жена поэта Мария Степановна. Вопросы религиозного характера ее не интересовали. «Детство мое протекало без всяких религиозных обрядностей, — констатирует А. Герцк. — Меня не водили в церковь, у меня не было преданной няни, убеждающей класть земные поклоны в углу детской

перед темной иконой и повторять за ней трудные, непонятные слова молитвы». Совсем по-другому происходило формирование юного Ивана Шмелёва. В его семье «к сохранению религиозных обрядов и домашних устоев относились со старообрядческой строгостью. Обязательно соблюдались посты, постились также по средам и пятницам. Семья почитала святых, посещала церковь, ходила на богомолье; еще мальчиком Шмелёв совершил паломничество в Троице-Сергиеву Лавру, принял там благословение от старца Варнавы — старец достал из кармана и дал ему крестик». Естественно, смысла «церковных слов маленький Иван не понимал, а картинки с грешниками, шествующими по мытарствам, рождали страх и говорили о существовании жуткой тайны» [8. С. 10]. Однако уже тогда происходило рождение будущего автора «Богомолья» и «Лета Господня», создателя духовного романа.

Работая над своими главными произведениями, писатель начинал представлять себя ребенком. «Сколько раз он признавался себе в том, что не может постичь веры через ученость. Он читал православных учителей, религиозных философов и просто философов, но все же был ведом религиозной интуицией. Так верят дети. Так и Шмелёв верил в детстве» [8. С. 261—262]. В ранние же годы А. Герцык, как и в случае с Волошиным, отход от религиозных канонов привел к созданию некой «мифической обстановки, которой жаждет душа ребенка» (естественно, вне конфессиональной зависимости). Она творилась самостоятельно, когда «тайное значение» вещам и явлениям придается творчески-произвольно (эпизод с рассыпанным сахаром в Троицын день, почитание «царского дерева», «игра в Бога»). «Я любила останавливать однообразное течение жизни, искусственно разграничивая ее мгновения», — комментирует явление «нового обряда», «случайность, возведенную в обычай», А. Герцык.

Для М. Волошина так же — острое ощущение новизны в детстве «придавало особую сосредоточенность жизни, в которой не было повторений и общих мест» [1. С. 493]. Поэтому, вспоминает он, «каждое явление вставало в своей первобытной полноте и громадности, не смягченное никакими привычками» [1. С. 493]. Поэт заостряет внимание на «огромности мгновений» детства на фоне «особой медлительности общего течения времени».

Американский психолог Стэнли Холл (1884—1923) в основание психологии развития положил биогенетический «закон рекапитуляции», согласно которому индивидуальное развитие — онтогенез — повторяет главные стадии филогенеза: «Младенчество воспроизводит животную фазу развития. Детство соответствует эпохе, когда главными занятиями древнего человека была охота и рыболовство (вспомним рассказ И. Шмелёва «За карасями» — *С.П.*). Период с 8 до 12 лет... соответствует концу дикости и началу цивилизации, а юность... эквивалентна эпохе романтизма» [6. С. 32].

М. Волошин идет еще дальше и выдвигает тезис: «Человек — сокращение Вселенной». Не сходя с присущих ему теософских позиций (статья «О теософии» была написана, как и «Откровение детских игр», также в 1907 г.), он заявляет: «В несколько мгновений зачатия успевает перенестись в молниеносном прообразе вся история Вселенной, с ее солнцами и планетами, с ее пляской миров во-

круг центрального огня» [1. С. 293]. По утверждению поэта-эзотерика, «входящий в человеческий мир» ребенок пропускает через себя (проходит) всю историю человечества: «...история всех племен, всех народов, всех погибших цивилизаций, сны всех мифологий, устремления всех страстей и откровения всех познаний» [1. С. 493—494].

Поэтому, считает Волошин, необходимо связать «свое темное детское Я со своим взрослым скупым Я» [1. С.494]. Лишь тогда может открыться мистический смысл детских игр, ведь игра «и есть то бессознательное прохождение через все первичные ступени развития человеческого духа, то состояние глубокой грезы, подобной сновидению, из которого медленно и болезненно высвобождается дневное сознание реального мира» [1. С. 496]. А. Герцык и М. Волошин сходятся в одном: в «мире детских игр» обнаруживается «тайный механизм создания мифов», а ум ребенка можно уподобить «сонному сознанию человечества», в котором «понятие игры, мифа и веры неразличимы». Думается, И. Шмелёв мог бы подписаться под первой составляющей этого тезиса.

Разница между природой игры и действием «жизни» в том, полагает Волошин, что игра «это действие, совершаемое без всякой мысли о его результатах, действие ради наслаждения процессом действия, между тем как “жизнь” взрослых это всегда действие целесообразное, которое сосредоточивает все внимание на его результате, на его последствиях» [1. С. 497]. Поэт ссылается при этом на «Бхагаватгиту», согласно которой жизнь — игра и «ценно то действие, что совершено без мысли о его результатах». Во всяком случае — результатах не материально-корыстных, что, в частности, иллюстрирует поведение юных персонажей Шмелёва.

Исследования, касающиеся природы детских игр, наводят Волошина на размышления о сущности театра, творчества вообще. Везде, где бы ни затрагивал поэт темы игры и театра, он употребляет по отношению к ним синоним «сновидение». В статье «Театр и сновидение» («Маски». № 5. 1—9) он развивает и оттачивает свою теорию, сводя ее к следующим положениям:

«Между творчеством детских игр и тем состоянием духа, в котором человечество создавало сказки и мифы, — нет никакой разницы...

Тот, кто сохраняет среди реальностей дневной обыденной жизни... способность их преобразования в тайнствах игры, кто непрестанно оплодотворяет жизнь токами ночного, вселенски-творческого сознания, тот, кто длит свой детский период игр, — тот становится художником, преобразителем жизни» [1. С. 352].

Говоря о творчестве А. Герцык, М. Волошин констатировал: «...едва ли эта уединенная и строгая поэзия будет понятна тому, кто не прочел ее детских воспоминаний» [1. С. 504]. В своем же собственном стихотворении (1929) поэт дает своей близкой знакомой такую характеристику: «Ей грамота мешала с детства книге / И обедняла щедрый смысл письмен. / А физики напрасные законы / лишали власти тайнства игры. / Своих стихов прерывистые строки, / Свистящие, как шелест древних трав, / Она шептала с вещим напряженьем, / Как заговор от сглаза и огня».

Согласно Ш. Монтескье, беотийский государственный деятель и полководец Эпаминонд (IV в. до н. э.) «...и в последние годы своей жизни говорил, видел,

слышал и делал то же самое, чему его учили в детстве» [7. С. 191]. На детской, творческо-эзотерической закваске основывался и жизненный код поведения А. Герцык: «Юродивая, старица, дитя, — Смиренно шла сквозь все обряды жизни: / Хозяйство, брак, детей и нищету. / События житейских повечерий — / (Черёд родин, болезней и смертей) — / В душе ее отображались снами — / Сигналами иного бытия».

Волошину был близок и А. Белый, который уже самой природой эстетического акта пытался приобщиться к вечности. Однако обрести и открыть ее реальному миру, по мысли автора «Симфоний», можно лишь через преодоление мрака и зла в собственной душе, через поглощение «низких» истин «высокими». Но до этого еще далеко. Лишь ребенок как воплощение «универсального или абсолютного человека» может быть представлен играющим на берегу Океана Вечности.

О Шмелёве же, человеке «исконно русской души», который «вздывает над сатанинским маревом», замечательно высказался К.Д. Бальмонт, отметивший, что лучшее в «Богомолье» — «все, каждая подробность, переселяющая в картину и делающая взрослого ребенком» [4. С. 116].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Волошин М.* Лики творчества. — Л., 1988.
- [2] *Волошин М.* История моей души. — М., 1999.
- [3] Воспоминания о Максимилиане Волошине. — М., 1990.
- [4] Встреча: Константин Бальмонт и Иван Шмелёв // Наше наследие. — 2002. — № 61.
- [5] *Герцык А.К.* Из мира детских игр // Аделаида Герцык. Из круга женского: Стихотворения, эссе. — М., 2004.
- [6] *Кон И.С.* Психология ранней юности: Книга для учителя. — М., 1989.
- [7] *Монтескье Ш.* Избранные произведения. — М., 1955.
- [8] *Солнцева Н.М.* Иван Шмелёв. Жизнь и творчество. Жизнеописание. — М., 2007.

CHILD PSYCHOLOGY AND «GAME MYSTERIES» IN RUSSIAN LITERATURE

S.M. Pinaev

Chair of Social and Differential Psychology
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The paper deals with the works of I. Shmelyov, A. Gertsik and M. Voloshin devoted to the problems of child psychology realized in game practice.

Key words: childhood, child psychology, creative work, game, myth, fairy-tale.